

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, двор огласил голос Линь Чжоу-ши, следом за которым раздался яростный грохот кулаков по двери.

— Паршивец, выздоровел и снова валяешься в кровати, отлыниваешь? Не видишь, сколько дел накопилось? А ну, живо поднимайся и принимайся за работу! Думаешь, я позволю тебе и дальше здесь трупом прикидываться?

Вчера он съел столько еды, так что сегодня, что бы ни было, она заставит его работать. То, что он столько дней бездельничал, — уже верх их великодушия, а домашние дела только того и ждут, когда он встанет.

Линь Чжоу-ши полночи не спала, размышляя о том, что нельзя так просто оставить паренька Хуаня в покое. Столько лет младший сын вел себя тише воды, ниже травы, а тут вдруг такая перемена — наверняка кто-то его надоумил. Кроме Тетушки Ли Второй, и подумать не на кого: иначе почему, стоило ей уйти, как паренек Хуань сразу осмелел и пошел на попятную?

— Не забывай, что ты из семьи Линь, а не из семьи Ли. Окаянный, сердце твое к чужим тянется, растила тебя столько лет, лучше бы выкормила скотину... — в своей бранной тираде Линь Чжоу-ши косвенно приложила и Тетушку Ли Вторую.

Издали доносились пронзительные крики Линь Чжоу-ши, которая, ругая паренька Хуаня, не забывала проходиться и по соседям. Дядя Ли Второй взглянул на свою жену:

— Ну вот, видишь? Говорил же, не суй нос в чужие дела. Влезла в их семейные разборки, а теперь сама же и виновата.

Тетушка Ли Вторая вздохнула:

— Мне просто жалко стало паренька Хуаня, кто бы еще стал вмешиваться в эти грязные дела семьи Линь? Сердце ведь не из камня, как они могут так обращаться с родным ребенком?

Дядя Ли Второй тоже покачал головой. Они видели, как рос паренек Хуань, он был таким смышленным, что сердце сжималось от жалости. Почему же семья Линь его так ненавидит?

— Судя по шуму, парню снова достанется. А ведь раны только затянулись, какой кошмар!

Тетушка Ли Вторая была встревожена, но все же не пошла туда. Линь Чжоу-ши сейчас в ярости, ее появление только подльет масла в огонь. Она уже сказала все, что могла, а больше сделать не в силах — нельзя же помогать человеку всю жизнь. Оставалось лишь надеяться, что паренек Хуань справится сам.

Линь Хуань открыл дверь в тот самый момент, когда Линь Чжоу-ши собиралась нанести удар ногой. Она промахнулась и едва не растянулась на земле. Взбешенная женщина закричала:

— Ты, проклятое отродье, хочешь меня до смерти довести? Жить надоело?

Линь Хуань, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди, с сожалением произнес:

— Увы, не вышло. Жаль.

Грудь Линь Чжоу-ши тяжело вздымалась от ярости:

— Ах ты! Оперился? Столько лет тебя кормила, а ты теперь смеешь мне перечить? Знала бы, что из тебя вырастет такое ничтожество, задушила бы в колыбели!

Линь Хуань невозмутимо ответил:

— Зря не задушила.

Линь Чжоу-ши на мгновение опешила, подумав, что ослышалась:

— Что ты сказал?

Она ткнула пальцем в нос Линь Хуаню, не веря своим ушам:

— Ты... ты, щенок, как ты смеешь... как ты смеешь...

Она не могла поверить, что это говорит младший сын. Обычно он слова из себя выдать не мог, дрожал перед ней, как перепелка. А сегодня вдруг решился проклинать ее в лицо — точно бес вселился.

— Для этого не нужно быть наученным, достаточно посмотреть на ваши поступки. Небо видит всё, что вы делаете, и я не намерен платить добром за зло.

— Это та дрянь из семьи Ли тебя надоумила? А? Это она научила тебя непокорности? — слова Линь Хуаня повергли Линь Чжоу-ши в шок. Эта проклятая Тетушка Ли Вторая только и делает, что сбивает младшего с толку, нужно запретить им общаться.

— Я сказал, жаль, что ты не убилась, старая карга, — голос Линь Хуаня был негромким, но для Линь Чжоу-ши он прозвучал как гром среди ясного неба.

— Мерзавец! — Похоже, без хорошей порки здесь не обойтись. Раньше Линь Чжоу-ши за малейшую провинность колотила паренька Хуаня, а теперь, когда он осмелился так дерзить, она пришла в неистовство.

Поддавшись гневу, она схватила валявшуюся рядом палку и замахнулась на Линь Хуаня. Бить сына для матери — дело правое, и никто ей не указ. Она не верила, что младший осмелится дать отпор.

К счастью, в прошлой жизни он привык к дракам и сохранил хорошую реакцию. Раньше тело

было слабым, и ему приходилось терпеть побои, но теперь он окреп — разве позволит он Линь Чжоу-ши себя бить? Он усвоил простую истину: с жестокими людьми нужно быть еще жестче, чтобы они тебя боялись.

Линь Хуань небрежно бросил:

— А почему я должен не сметь? Я смерти не боюсь, неужели я испугаюсь палки? Раньше вы заходили слишком далеко, теперь не жалуйтесь на мою черствость.

Взгляд Линь Хуаня стал холодным и свирепым. Ловким движением он увернулся от удара, а когда Линь Чжоу-ши замахнулась второй раз, шагнул вперед и крепко схватил её за запястье.

Уголок губ Линь Хуаня приподнялся, глаза леденели:

— Не смей попрекать меня долгом сыновней почтительности. С самого детства я немало отдал семье Линь. А что взамен? Вы не давали мне ни досыта поесть, ни согреться, а всю грязную и тяжелую работу сваливали на меня. Раньше я был глуп и думал, что если буду послушным, вы начнете меня ценить, но теперь этому конец. Семья Линь больше не сможет мной помыкать, если я сам того не захочу. Вчера я ясно сказал: к домашним делам меня не привлекать. Хотите, чтобы я тянул лямку, — посмотрите, заслужили ли вы это.

Хотя тело паренька Хуаня было худым и щуплым, он с детства привык к физическому труду, и силы в нем хватало. Как только он наелся, вернулась и выносливость — это была одна из причин, почему он сегодня решился бросить вызов Линь Чжоу-ши.

До того дня, когда люди господина Ли придут за ним, оставалось не так много времени. Ему нужно было воспользоваться этим периодом, чтобы показать свой характер и завоевать авторитет. Только заставив семью Линь бояться себя, он сможет решить проблему и, если повезет, навсегда от них отделаться.

Линь Чжоу-ши не ожидала, что младший посмеет увернуться, и опешила, но ярость только вспыхнула с новой силой. Она замахнулась снова, но, не успев нанести удар, почувствовала, как её запястье стиснули. Острая боль пронзила руку, она не удержала палку, и та с грохотом упала на землю.

Лицо Линь Хуаня было совсем близко, на губах играла насмешливая улыбка, а взгляд был ледяным.

Паренек Хуань всегда ходил, опустив голову, лохматый, затравленный. В памяти Линь Чжоу-ши его лицо даже не отложилось — она всегда игнорировала его, как и все остальные в доме. Теперь же, увидев его прямо перед собой, она на миг растерялась, словно не узнавала собственного сына.

— Я человек, а не скотина, которую можно бить и ругать, и уж тем более не товар для сделки. С того момента, как вы продали меня в наложники, вы должны были понять: я, Линь Хуань,

больше не позволю вершить свою судьбу. — Линь Хуань добавил с угрозой: — В последний раз предупреждаю: не лезьте ко мне, иначе заставите себя пожалеть!

Глядя в глаза Линь Хуаня, которые словно готовы были сожрать её, Линь Чжоу-ши почувствовала, как задрожали ноги. Неужели это действительно младший? Тот самый паренек Хуань?

— Ты посмеешь! — выкрикнула она, пытаясь скрыть страх за напускной суровостью.

— Можешь проверить. В худшем случае мы сгорим оба, но я не позволю семье Линь жить спокойно! — Линь Хуань отшвырнул её руку, и Линь Чжоу-ши повалилась на землю.

Она немедленно воспользовалась случаем, забилась в истерику, колотя себя в грудь и заливаясь слезами:

— О горе мне! Сын бьет родную мать! Паренек Хуань хочет свести мать в могилу!

В этом мире превыше всего ценилась сыновняя почтительность, и Линь Чжоу-ши сразу повесила на него клеймо нечестивца, твердо решив уничтожить его репутацию. Но Линь Хуань даже не взглянул на неё. Вся эта мораль была для него пустым звуком. Если старшие не милосердны, то к чему младшим быть почтительными? Их поступки не оставляли места для сыновней любви.

— Делай что хочешь. Либо я отделяюсь и живу сам, либо, если остаюсь, вы не смеете урезать мой паек. Кстати, не забудьте позвать меня, когда будет готов обед.

Бросив это, Линь Хуань ушел в свою комнату, не оглядываясь на Линь Чжоу-ши.

Линь Чжоу-ши еще немного покричала, но, видя, что спектакль не находит зрителей — Линь Хуань не открывал, как бы она ни ругалась — вскоре ушла, чувствуя себя крайне подавленной.

В главной комнате Линь Чжи'эр и Линь Ли-ши занимались вышиванием, хотя мысли Линь Чжи'эр были далеко от рукоделия. Увидев входящую Линь Чжоу-ши, она отложила корзинку и поспешила к ней:

— Мама, ты ходила заставить паренька Хуаня работать? Ну и славно, хоть не придется самим идти в горы.

При этих словах лицо Линь Чжоу-ши помрачнело. После устроенной сцены она совсем забыла о главной цели визита. Она шла к младшему, чтобы дать ему работу, а в итоге сама же пришла в бешенство.

— И не спрашивай. Не знаю, что на него нашло, но младший заявил, что хочет отделиться и жить отдельно, — Линь Чжоу-ши пересказала всё, что произошло.

Линь Чжи'эр поразились:

— Что? Отделиться? Как это возможно?

Не говоря уже о другом, восемнадцатого числа двенадцатого месяца должен приехать господин Ли, как они могут позволить пареньку Хуаню отделиться?

Линь Ли-ши тоже удивилась, замерев с иглой в руках, и помассировала поясницу:

— Может, это все потому, что он не хочет становиться наложником господина Ли?

Паренек Хуань уже не раз пытался покончить с собой, лишь бы избежать этой участи. Но в семье Линь сердца были холодны как лед: они были способны продать собственных детей, так что разве их волновало состояние парня? Впрочем, она будет лишь наблюдать со стороны — в конце концов, семья Линь получила свадебный дар, и ей самой перепала доля выгоды.

— Он посмеет! Как можно позволить ему бунтовать? А выкуп господина Ли... — Линь Чжи'эр взглянула на Линь Ли-ши и замолчала. Затем добавила: — Ладно, мама, не злись. Паренек Хуань в любом случае долго в семье Линь не задержится. После восемнадцатого числа двенадцатого месяца он станет человеком из чужого дома, пусть там и строит козни.

Эти слова немного утешили Линь Чжоу-ши, она кивнула:

— Верно. Давно пора было выдать этого проклятого паршивца замуж.

<http://bllate.org/book/20999/2135048>